

— Отец наш Небесный, дай мне сил, дай мне воли. Пусть рука моя не знает промаха, пусть сердце не знает жалости. Защити, Отец, от проклятий и ядов, от ведьминых взглядов, от морока и порока, от...

Она прислушалась.

Лес спал. Ветер не тревожил листву, твари не рыскали в траве, но воздух едва заметно подрагивал.

Пригнувшись, она прокралась вдоль охранного круга, выискивая глазами тотем-идол, поддерживающий его силу. Не то, не то, не то... Вот он!

— Отец наш Небесный, — снова зашептала она, вынимая нож, — дай мне сил, дай мне воли. Пусть рука моя не знает промаха, пусть сердце не знает жалости. Защити, Отец, — дышать становилось все труднее, — от проклятий и ядов, от ведьминых взглядов, от морока и порока, от слова дурного, от...

Сжав в руке идола, она аккуратно вонзила в него блестящее в полумраке лезвие. На шербоатой поверхности фигурки выступили густые капли темной крови. Ее запах щекотал ноздри.

Дверь ведьминой избы приветливо распахнулась.

Она могла войти прямо сейчас, не дожидаясь Дария, и столкнуться с ведьмой лицом к лицу.

Настолько ли она безрассудна? Да, можно не сомневаться.

Перешагнув через невидимую границу охранного круга, она подошла к избе и перепрыгнула через прогнившие ступени. Доски жалобно скрипнули, прогнувшись под ее весом. Она заглянула в избу и выдохнула — никого. Над огнем висел котел, задняя дверь была распахнута настежь.

Она переступила через разбросанные на полу тряпки и заглянула в котел. Одного взгляда хватило, чтобы понять, что стало с младенцем, похищенным из деревни, — его выварили, превратили в студень, которым ведьмы смазывают ясеновые суки и метлы.

— Опоздала, — прошипела она сквозь зубы.

Подхватив с пола остатки одежды, Варна вышла на улицу. Высоко в небе висела луна, приближался ведьмин час. Если они хотят найти ведьму сегодня, им нужно как можно скорее добраться до деревни.

Варна швырнула одежду на стол и уперла руки в бока. Деревенский староста, тщедушный, обрюзгший мужичок, скривил тонкие губы.

— Не справилась? — деловито осведомился он.

— Не справилась? — эхом откликнулась она. — Ведьма знала, что я иду! В вашей деревне есть крыса, которая предупредила ее о моем появлении.

— Крысы есть везде. — Староста пожал плечами. — Думается мне, я могу тебе не платить.

— А мне думается, — она схватила его за ворот рубахи и притянула к себе, — что я могу спустить на тебя своего мертвеца.

Мужик побледнел, его взгляд метнулся к темному углу за ее спиной.

— Отец наш Небесный, — прохрипел он, — защити...

Варна оттолкнула его и скривилась. Научи дурака богу молиться — он и лоб себе расшибет, как известно.

— Золото, — потребовала она.

— Половину, — сказал староста.

Из тени бесшумно выступил человек в черном плаще. Он аккуратно сдвинул капюшон, так, чтобы мужик сумел рассмотреть его лицо, и хриплым голосом спросил:

— У нас проблемы?

Староста осенил себя крестным знамением и, собрав остатки мужества, заголосил:

— Упыря на честного человека спустить решила?! Я сообщу куда следует, я напишу...

— Это ты-то честный человек? — Дарий оперся на стол и приблизился к лицу старосты. — Честью от тебя и не пахнет.

— Мрачный Взвод должен...

— Ничего он тебе не должен! — рявкнула Варна. — Либо плати, либо сам отправляйся на ведьм охотиться! Но, чтоб ты знал, только выйдешь из деревни — как от тебя, кроме сапог, ничего не останется!

Исподлобья глядя на Дария, староста вытащил из-за пазухи позвякивающий мешочек и бросил его к ногам Варны.

— На! Подавись! И чтоб духу вашего в моей деревне не было!

— А ведь могли бы по-хорошему договориться. — Дарий наклонился и поднял кошель.

— Ведьма вернется и заберет ваших детей, — сказала Варна. — Ты пожалеешь, что прогнал нас.

— Пошли прочь из моего дома, адамовы дети! — завопил мужик, брызжа слюной.

Отвесив старосте издевательски вежливый поклон, Дарий открыл дверь и пропустил Варну вперед. Она наградила его тяжелым взглядом и проворчала:

— Ты снова ведешь себя как скоморох.

— С такими, как этот, по-другому нельзя. Не в драку же лезть?

— Я бы предпочла хорошую драку.

Она облокотилась на коновязь и устало потеряла переносицу. Раз в деревне есть ведьма, они не могут уехать, даже если староста погонит их факелами и вилами.

— Упырем обозвал меня, — обиженно сказал Дарий. — Слышала?

— Предыдущего старосту он не переплюнул. Тварина мертвая, ха!

— Еще, помнится, кое-кто звал меня умертвием. Не так уж и далек он был от истины, верно?

Варна посмотрела на его изможденное лицо и спросила:

— Когда в последний раз мы проводили ритуал?

— Уже и не вспомнить. — Дарий поднял молочно-белые глаза к небу и принялся считать. — Несколько лун минуло с прошлого раза.

Варна взяла его руку в свою и стянула с нее перчатку. Отросшие когти выглядели бритвенно-острыми, под бледной кожей бугрились темные вены.

— Кажется, нам снова придется напасть на старушку, — вздохнув, заключила она.

Варна напряженно всматривалась в темноту, пока Дарий переминался с ноги на ногу на пороге покосившейся избы. На стук никто не вышел, но внутри точно кто-то есть — за натянутым бычьим пузырем окном дрожит пламя свечи.

Дарий снова робко постучал. Изнутри донеслись шаркающие шаги, дверь приоткрылась, и Варна увидела согбенную старушку в пуховом платке, накинутом на поникшие плечи.

— Какая ясная ночь сегодня, — сказал Дарий, — доброго тебе вечера.

— Чего надо? — неприятливо осведомилась старушка.

— Зашел о здравии твоём справиться, узнать, не нужно ли тебе чего.

— Чур меня, — пробормотала вдруг старушка. — Чур! Не переступить тебе моего порога, не...

— Ш-ш-ш... — Дарий наклонился к ней и заглянул в поблекшие глаза. — Впусти меня.

Завороженная его взглядом, хозяйка отступила. Варна вздохнула, крепче перехватила рукоять кинжала и вошла в избу следом за Дарием.

— Ни красного угла, ни икон, — заметил он. — Крестили тебя, красавица?

Старушка зарделась, сморщенные щеки налились румянцем.

— Не крестили, — ответила она, пряча смущенную улыбку.

— Окажи мне честь, не откажи заблудшей душе — поделись кровью.

Дарий картинно поклонился, встал на одно колено и взял старушку за руку. Та, замороженная его взглядом, охнула и закивала.

Варна посмотрела на Дария — и горькие воспоминания ожили, возвращая ее в их мрачное прошлое.

Он был ее другом, братом по вере и возлюбленным. Все детство они вместе молились, делили еду и невзгоды, порой даже спали в одной постели. А теперь... Он никогда не станет мужчиной, его волос не тронет седина, лицо не избородят старческие морщины. Дарий мертв уже десять лет.

— Ты на меня глазеешь. — Он посмотрел на Варну и лукаво улыбнулся. — Сильно я изменился за прошедшие годы?

Она поморщилась:

— Читаешь мои мысли?

— Иногда. — Он жестом попросил у нее нож. — Что скажешь, Варна, я все еще способен завоевать чье-нибудь сердце?

— Ты красив так же, как в тот день, когда твое сердце остановилось, — нехотя ответила она.

— Передай мне флягу. — Дарий протянул руку. — И спасибо тебе за эту безобидную ложь.

Его лицо уже начало меняться: бледная кожа натянулась на скулах, верхняя губа приподнялась, обнажая острые резцы. Затянутые посмертной пеленой глаза испещрили алые жилки, на шее проступили темные вены.

Он провел лезвием по руке старушки и, прежде чем подставить фляжку, тронул порез пальцем. Будь хозяйка дома крещеной — прикосновение к ее крови причинило бы ему нестерпимую боль.

Дарий никогда не нападает на людей. Приняв свою зависимость от чужой крови, он смирился с ней, но отказался от охоты, предпочтя ей мягкую настойчивость и дар убеждения, полученный после темного перерождения. Каждый человек, у которого он брал кровь, оставался в добром здравии после его визита. Насколько это возможно.

— Я едва слышу стук ее сердца, — вдруг сказал он.

— У нас нет времени искать кого-то другого. — Варна посмотрела на сгустившуюся тьму за окном.

— И почему ты всегда выбираешь стариков?

— Потому что их сложнее всего обратить в новую веру, — отрезала она.

— А я-то думал, что ты ревнуешь меня к юным девам, готовым бескорыстно поделиться со мной кровью.

Они обменялись многозначительными взглядами, Дарий мягко улыбнулся, и Варне пришлось приложить усилия, чтобы не улыбнуться в ответ.

— И я все еще тебе не отвратителен?

— Иногда, — сказала она, — когда забываешь, что тебе нужно пить кровь. Поторопись, луна уже взошла.

Дарий достал из мешочка на поясе длинную полосу ткани, надежно перевязал порез и, доверительно глядя старушке в глаза, прошептал:

— Забудь о нашей встрече. Ты поранилась, пока таскала дрова. Запри за нами дверь и ложись спать.

Та деловито кивнула, поправила платок на плечах и, дождавшись, пока они окажутся за порогом, закрыла дверь на хлипкий засов.

— Надолго тебе хватит ее крови? — спросила Варна.

— Сколько-нибудь продержусь.

Проверив, надежно ли привязаны лошади, Дарий взял седельную сумку, и они направились к темнеющей громаде леса.

Расположившись на расстеленном на земле плаще, Варна начала приготовления: достала комок спутанных волос, склянку с серым пеплом и котелок. Дарий принес ветки и развел небольшой костер.

— Не раздувай так сильно: нам ведь не нужно, чтобы кровь свернулась, — сказала Варна, аккуратно выжививая волосок из спутанного комка.

— Кто придумал добавлять волосы блудницы? — Дарий закатил глаза.

— Тот же, кто решил добавить прах задушенного. — Варна высыпала горстку пепла в походный котелок. — Давай флягу.

Стоило крови коснуться остальных ингредиентов, как густой белый пар поднялся над котелком. Варна подвесила его над едва горящим костром и принялась помешивать варево тут же подобранной веточкой.

— Раздевайся.

Дарий послушно расстегнул широкий кожаный пояс, стащил рубаху и встал на колени, являя взгляду испещренное шрамами тело. В лунном свете Варна разглядела выступающие ребра и позвонки.

— Ты почти высох. Почему не сказал раньше?

— Я должен был сказать об этом до или после того, как ты нашла вываренного младенца в убежище ведьмы? — язвительно осведомился Дарий.